

УДК 94(47)

DOI: 10.15393/j14.art.2018.109

Воронина Полина Сергеевна

Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК),
волонтер-исследователь,
магистр по направлению подготовки 46.04.10 (История)
185910, г. Петрозаводск, проспект Ленина, 33;
аспирант докторской (PhD) программы «Past, Space and Environment in Society»
в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

Амнистирование карельских беженцев 1923 г.

Аннотация. Статья посвящена проведению амнистии карельских беженцев («карбеженев»), объявленной 1 мая 1923 г. Автор, анализируя документы официальных органов власти, периодическую печать, переписку, восстанавливает ход амнистии, прослеживает особенности, связанные с организацией перехода и приема беженцев, их перемещения. В статье предпринята попытка выявить отношение властных структур к возвращавшимся гражданам, оценить конкретные практики, примененные правоохранительными органами.

Ключевые слова: карбеженцы; карельское восстание; карельская авантюра; Карельская трудовая коммуна; XX век.

1 июня 1922 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) между правительствами РСФСР и Финляндии было подписано Соглашение, которое поставило официальную точку в вооруженном конфликте 1921—1922 гг., а 1 мая 1923 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял решение об объявлении амнистии беженцам — обитателям карельских деревень, оказавшимся в Финляндии после указанных событий. Согласно декрету, амнистия была дарована всем «лицам, бежавшим в связи с карельской авантюрой 1921—1922 гг. на территорию Финляндии, за исключением руководителей и тех, кто, находясь за пределами Карельской трудовой коммуны, продолжали свою активно-враждебную Р.С.Ф.С.Р. деятельность» [1:51].

Для подготовки и координации мероприятий в рамках амнистии была создана специальная структура — Комиссия по амнистированию карбеженцев (карельских беженцев) [2:31].

В ходе обсуждения вопроса о том, кто будет проводить амнистирование, полномочный представитель РСФСР в Финляндии Алексей Сергеевич Черных писал представителю

НКИД¹ Анатолию Васильевичу Битнеру, что необходимо отбирать людей, знающих Карелию, население районов авантюры и владеющих финским или карельским языком. Помимо этого Черных просил составить список тех, кто не подлежал амнистии, а также продумать порядок эвакуации беженцев по волостям: «жителей КАКИХ ВОЛОСТЕЙ (так в документе — прим. автора *Л. В.*) пустить раньше и каких позже», «в КАКИЕ месяцы в КАКИЕ волости следует отправлять и в какие не следует». И если по первому пункту было рекомендовано учитывать возможные политические соображения, то второй был связан с удобством передвижения и возможностью вести те или иные хозяйственные работы [1:5]. Также Черных просил озаботиться вопросом возвращения имущества беженцам и оказанием материальной помощи со стороны Карисполкома. Не осталась без внимания полпреда и организация пропускных пунктов: необходимо было решить, где их размещать, определиться с доставкой продовольствия и фуража, оказанием медицинской помощи, а также рассчитать вместимость и пропускную способность каждого пункта [1:5].

В итоге КИК² выдвинул три кандидатуры для работ в Финляндии по проведению амнистии: Федора Ефимовича Поттоева, Иосифа Ивановича Богданова и Николая Васильевича Архипова [1:38—39]. Позднее в качестве основных специалистов были утверждены Поттоев и Богданов, Архипова определили как «кандидата к ним» [4:46].

Комиссией по амнистированию карбеженцев в составе представителя Карельского ЦИК Н. В. Архипова, народного комиссара юстиции и прокурора АКССР Г. К. Копарева, представителя ГПУ АКССР Ульдриха был сформирован список из 502 человек, которые не подлежали амнистии. Их разделили на три группы: 1. Все идейные руководители и вдохновители авантюры;

2. Их ближайшие помощники, активно руководившие и производившие расстрелы, поджоги и грабежи, а также те, кто, находясь за границей, работали в разведке; 3. Противники советской власти, которые вели враждебную деятельность по отношению к КТК и РСФСР [8:188]. Причем, выделение последней группы носило явно политический подтекст, о чём Архипов указывал в ответном письме Черных: «Карисполком, учитывая положение красных финнов, как находящихся здесь, так и в пределах Белой Финляндии, кои до сегодняшнего момента не амнистированы, предполагал, что НКИД и Полпред Финляндии, имея сношения с Правительством Белой Финляндии, при возможных условиях своей работы и известной политической конъюнктуре, может быть, могли бы пред-

Поттоев Ф. Е.

Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поттоев,_Фёдор_Ефимович

Архипов Н. В.

Источник: Национальный архив
Республики Карелия (rkna.ru)

¹ Народный комиссариат иностранных дел

²

Карельский исполнительный комитет

принять некоторые шаги для облегчения рабочих финнов, для чего КТК и выделило 3-ю группу каковая могла бы быть при вышеупомянутых обстоятельствах амнистирована. 1 и 2 ни при каких обстоятельствах амнистирована быть не может. При отрицательном разрешении вопроса в отношении 3-ей группы таковая тоже должна оставаться не подлежащей амнистии» [1: 41—41 об.].

Для пропуска амнистированных были определены три пункта: деревня Каменное озеро (Кивиярви) Вокнаволоцкой волости, деревня Туливаара Ребольской волости и деревня Конгозеро Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда [1:18]. Предполагалось проводить эвакуацию по волостям в следующем порядке: в первую очередь дальних от границы волостей, во вторую — остальных, и в третью — волости приграничной полосы [1: 41—41 об.].

Помимо общей организации, вопросы вызывали и отдельные положения постановления. Особая комиссия, а затем и КИК формулировали третий пункт проекта постановления следующим образом: «Провести эвакуацию амнистированных беженцев на равных с прочими амнистированными основаниями» [1:49], что не нашло одобрения в НКВД. В письме от 29 марта 1923 г. представители экономико-правового отдела наркомата высказывали опасения относительно подобной формулировки, аргументируя свою позицию тем, что «совершенно нельзя рассчитывать, чтобы амнистированные мужчины согласились оставить свои семьи и имущество с тем, чтобы таковые были отправлены отдельно от них» [1:50].

В конечном итоге, согласно постановлению, амнистия должна была проводиться на общих основаниях. Вместе с амнистированными могли вернуться и их семьи. Кроме того, репатрианты получили право вывезти в РСФСР имущество, нажитое в Финляндии [1:51].

Процедура амнистирования раскрывалась в специальной инструкции и состояла из нескольких этапов. Прежде всего, все желавшие вернуться подавали заявления о репатриации на себя и свою семью: супругу и детей до 18 лет. Заявления, согласно инструкции, принимались Полномочным Представительством РСФСР в Финляндии и лицами, командированными Полномочным представительством, которые помимо приема заявлений на месте, должны были совершать периодические объезды в местах наибольшего скопления беженцев. Кроме того, на каждого карбеженца заполнялась специальная анкета в трёх экземплярах, составленная на русском или финском языках, и прикладывались фотографии. Своеобразным подтверждением об амнистии служило эвакуационное или проходное свидетельство, которое выдавалось репатрианту полномочным представительством РСФСР в Финляндии [1: 52—54; 8:190].

Разработанный алгоритм не устроил финское правительство: оно не разрешило оборудовать пункты регистрации карбеженцев в Каяни и Лиексе и подвергло критике регистрационную систему в целом. Министр иностранных дел Финляндии Юхо Веннола в разговоре с Черных предложил организовать регистрацию у финских ленсманов, которые затем направляли бы материалы в Министерство иностранных дел, а оно — в Представительство РСФСР в Финляндии. При этом финская сторона не стала возражать против приезда на пункты уполномоченных для формирования и сопровождения эшелонов с беженцами на границу [1:73].

После оформления всех документов на территории Финляндии Представительство РСФСР направляло их в КИК вместе со своеобразными справками-уведомлениями. Если биография репатрианта не вызывала дополнительных вопросов, то текст был следующий: «Препровождая при сем анкету карельского беженца ... и устанавливая, что указанный беженец в карельской авантюре 1921—1922 гг. участия не принимал, в списках беженцев, не

подлежащих амнистии, не значится, и что карельского беженца амнистировать и о соответствующем решении срочно поставить нас в известность» [1: 103, 104, 108—118, 124—163].

Однако периодически Полномочное представительство для вынесения решения о репатриации нуждалось в дополнительной информации. В этом случае вместе с документами посылалась просьба о перепроверке полученных сведений.

Так, Полномочное представительство не могло определиться как поступить с Петром Михайловичем Гачкиным, уроженцем деревни Святнаволок Мяндусельгской волости, представившим документы о том, что участия в восстании не принимал. Однако в списках беженцев, не подлежащих амнистии, без указания имени и отчества был указан некто Гачкин, также бывший родом из д. Святнаволок указанной волости [1:228].

После ряда перепроверок было принято решение о даровании амнистии, поскольку в списке лиц, не подлежащих амнистии, был указан Гачкин Даниил Алексеевич, «убитый во время ликвидации Миллеровского фронта в 20-м году, марте месяце. Характеристика его: активный участник и организатор партизанского отряда. В списках, не подлежащих амнистии, как раз значится тот самый Гачкин, о котором изложено» [1:224].

В то же время, поступающие анкеты проходили дополнительную проверку в Карелии. Поводом для неё могла стать любая деталь в жизни беженца, вызывавшая вопросы со стороны спецслужб. Так, при рассмотрении анкеты Антипьева Павла Александровича вопрос вызвали дата и причина его перехода: по предоставленной информации «в августе 1922 года он только сбежал в Финляндию» [1:230—230 об.]. Оказалось, что Антипьев покинул Карелию из-за совершенного им убийства красноармейца: «некоего Дорофеева, которому Антипьев нанес топором смертельные раны и после перерезал горло» [1:231]. КарЦИК настаивал об отправке Антипьева в Карелию для вынесения соответствующего наказания [1:230—230 об.].

Несмотря на начало амнистии, всё ещё оставался открытым вопрос об организации и обслуживании пропускных пунктов. Решение по нему было принято лишь 18 мая. Комиссия при Областном Отделе Управления КТК по вопросу оказания помощи возвращающимся по амнистии карбеженцам утвердила план работы пунктов.

Для нормального функционирования на каждом пункте должны были работать шесть человек, а вместе с медперсоналом — девять. Пропускная способность была определена минимум 70 человек в две недели, с оговоркой об увеличении данного числа при возможностях пункта. Наконец, снабжение репатриантов продовольствием и фуражом было признано невозможным. Все необходимое они должны были приобретать на свои средства [1:63].

Кроме того, на каждый пункт, помимо его основной деятельности, была возложена полит-просветительская миссия. Согласно особому, отдельному плану, на каждом пункте должна была быть оборудована библиотека, в составе которой находились книги политического характера и обязательно сельскохозяйственные на финском и русском языках. Помимо этого, каждый пункт в обязательном порядке снабжался газетами: «Известия ВЦИК» — 1 экземпляр, «Беднота» — 2, «Красная Газета» — 1, «Карельская Коммуна» — 3, «Karjalan Kommuni» — 5 [1:65].

Для проведения полит-просветительских работ к каждому пропускному пункту прикреплялся отдельный сотрудник, хорошо знавший финский и русский языки. В круг его обязанностей входили проведение митингов, выдача из библиотеки книг, ведение бесед на политические темы и чтение газет. Для проведения политработы должна была быть отведена отдельная — чистая, светлая и большая — комната [1:65].

Руководство придавало важное значение полит-просвет-работникам, и в плане отдельной строкой было указано, что «их труд должен быть хорошо оплачен, ибо работники должны быть по квалификации гораздо выше рядовых (1-ый разряд отечественной ставки)» [1:65].

Официальной датой начала амнистии принято считать 1 мая, однако из-за проводившейся подготовки пункты начали работать только с 15 июля, о чём Гюллинг рассказал в интервью газете «Карельская коммуна» от 20 июня 1923 г. Он объяснил задержку необходимостью оснащения пограничных деревень инвентарем, медперсоналом и медикаментами. До этого времени всем желавшим вернуться было предложено воспользоваться железной дорогой, маршрут которой проходил через Красноостров [6:1].

Опубликованное интервью вызвало недоумение С. А. Черных, который не понимал, почему публикация была сделана в российской печати, а на страницы финляндской прессы попала случайно, хотя те, на кого была направлена амнистия, находились в Финляндии, а не в РСФСР. «Как вы, вероятно, заметили мы дали широкую огласку Вашему интервью из газеты «Карельская Коммуна», — писал Полпред Гюллингу. — О существовании узнал случайно. Иначе бы не попало в печать. Не правильнее было бы отправить мне с соответствующей запиской?» [1:168]. Кроме того, Черных предлагал КарЦИК активнее использовать финляндскую прессу для пропаганды амнистии, рекомендуя посылать для размещения в печати заметки и выдержки из постановлений, предоставлять информацию об экономической ситуации в Карелии, о возможностях заработка в зимний сезон, а также публиковать отзывы о жизни в РСФСР уже вернувшихся в Карелию карбеженцев [1:177]. Причем, последним публикациям придавалось важное значение: отсутствие данной информации заставляло оставшихся в Финляндии беженцев затягивать с оформлением документов, что тормозило ход амнистии [1:78].

Ускоренные темпы подготовки пунктов к работе, труднодоступность тех из них, которые находились на севере, а также бюрократизм и финансовая волокита не могли не сказаться на их организации и снабжении. Начальник ГПУ АКССР В. Р. Домберовский отмечал: «Карантинам отвели наиболее приличные помещения для размещения беженцев, но этих помещений оказалось недостаточно для соблюдения всех необходимых санитарно-гигиенических правил. В общем: помещение для беженцев (кроме канцелярии и служб) занимает везде по одному зданию (крестьянская изба) в 3—4 комнаты. Эти помещения недостаточно оборудованы, так как, согласно постановлению, расходы по помещениям Карисполком берёт на себя» [1:196—197].

Отсутствие средств у Карисполкома не дало возможности сделать что-либо существенное для оборудования карантинных пунктов и последнее было ограничено предоставлением крестьянских изб. Предписанное изъятие у крестьян столов и скамеек оказалось невозможным. Пояснялось, что «во временное пользование крестьяне не дадут, а производство хозяйственным способом необходимой мебелировки не могло быть осуществлено при отсутствии средств» [1:196—197]. В результате все ограничились устройством нарах и установкой по одному, местами по два стола на комнату.

Оборудование кухонь произвести также не удалось из-за отсутствия в деревнях подходящего инвентаря и невозможности его доставки. В результате беженцы, получая на карантине продукты, должны были готовить горячую пищу каждый сам для себя в собственной посуде.

Передаёт атмосферу неразберихи и следующая ремарка автора документа: «Продовольствие за отсутствием указаний из центра о нормах и размерах пайка было приобретено че-

рез Карисполком, причем присланная в 20-х числах августа раскладка для выдачи к закупленным продуктам не подошла...» [1:196—197].

Позднее в целях экономии пункты подверглись оптимизации. Количество сотрудников было сокращено в два с половиной раза: в штат вошли начальник карантина, его помощник, технический работник и фельдшер, на отбывание карантина было отведено максимум три дня, запрещалось создание продовольственных запасов для пропитания беженцев, зато предусматривалась ещё раз организация полит-просветительской работы [1:321].

С начала амнистии в Полномочное представительство стали поступать заявления и от тех беженцев, которые покинули Карелию в 1919—1921 гг., но не принимали участия в восстании. Одним из таких был Николай Федорович Чупуков. В своём прошении о причинах, побудивших его покинуть Карелию, он указал следующее: «28 сентября 1921 г. у нас состоял[ось] собрание своей волости. Вопрос был самый главный и самый важный — продовольственный. И когда дело дошло до меня, я стал говорить, что неправильно разложен налог между обществом, что волостная статистика работала не на факте, она работала, кто как указал, — так и написали. Я долго говорил о других неправильных поступках. Вот и распустили[сь] с председателем и обругались. Вот за это он признал меня преступником Советской власти. Он говорит, что тов. Чупуков сам не платит налогов и другим не велит {...}. А потом прошло три дня, он выслал милицию меня арестовать и представить под строгий контроль [в] город Олонец, [в] отделение уголовного розыска. Ну вот, что же мне делать было: жена моя и ребенок 2-х лет плачут. Сам я сделался не в полном здоровье. Когда я поехал в город, меня посадили в тюрьму, а потом я ушёл с другими на работу и с работы уёе, сходил домой, простился со своей семьёй и ушел через границу, [где] в настоящее время и проживаю. Я в Финляндию прибыл 23 октября 1923 г. Все время находился на лесопильном заводе в Pitkaranta, а что касается в организациях или в боях со стороны белогвардейских банд, нигде не участвовал, даже совсем не касался...» [1: 200—200 об.].

Советским правительством было принято решение о предоставлении права возвращения данной группе беженцев по амнистии 1923 г. на общих основаниях, поскольку они покинули территорию Карелию до издания Декрета о лишении гражданства РСФСР от 15.12.1921 г. [8:191]. Что касается Чупукова, то по отношению к нему со стороны власти была принята достаточно спекулятивная мера: опубликовать прошение в газете как пример раскаяния, но предоставить амнистию, как и всем, — на общих основаниях [1:205].

Согласно декрету об амнистии беженцы должны были возвратиться до 15 августа 1924 г, но поскольку не все успели уложиться в это время, срок амнистии по просьбе правительства Карелии был продлен до 1 января 1925 г. [8:193]

Подведение итогов амнистии за 1923—1925 гг. стояло в повестке дня на VI Всекарельском съезде советов.

С докладом по данному вопросу выступил Ф. Е. Поттоев. На основе анализа полученных анкет беженцы были разделены на три группы в зависимости от причины ухода, которые носили достаточно удобные для советского правительства формулировки: покинувшие Карелию в порядке военной мобилизации (сюда отнесли руководителей и активистов восстания), совершившие добровольный переход по «неведению сути и значения Советской власти» (они были обозначены как «масса» и составляли, как можно предположить, основную часть репатриантов). Наконец, в третью группу попали те, кто вынужден был покинуть Карелию из-за «насилия белогвардейцев». По этой причине, по мнению представителей власти, могли уйти в Финляндию лишь представители «беднейшего крестьянства» [5:178].

В докладе приведены цифровые данные о возвратившихся карбеженцах. Следуя исходному документу, разделяем их на две группы (см. табл. 1 и 2). При этом отказано в амнистии было всего лишь 282 беженцам [9:69] (см. табл. 3).

Таблица 1.

Количество возвратившихся до 1 января 1925 г.

Уезд	Мужчины	Женщины	Несовершеннолетние
Кемский	243	97	103
Ухтинский	501	425	582
Петрозаводский	97	28	23
Олонецкий	57	18	39
Паданский	160	35	34
Повенецкий	4	1	-
Всего	1062	604	781
Итого	2447		

Источник: [5: 181]

Таблица 2.

Количество возвратившихся с 1 января по 1 декабря 1925 г.

Уезд	Мужчины	Женщины	Несовершеннолетние
Кемский	21	6	4
Ухтинский	65	56	75
Петрозаводский	21	7	7
Олонецкий	10	7	21
Паданский	20	9	2
Всего	137	95	109
Итого	341		

Источник: [5: 181]

Таблица 3.

Количество отказов в амнистии

Год	Мужчины	Женщины	Несовершеннолетние
1923	67	20	14
1924			
1925	89	40	52
Всего	156	60	66
Итого	282		

Источник: [5: 181]

Таким образом, по итогам амнистии с 1 мая 1923 до 1 января 1925 г. в Карелию легально вернулось 2788 человек. О. Ю. Репухова считает, что сохранившиеся данные о работе пунктов не дают исчерпывающей информации о количестве беженцев, вернувшихся легально. Она приводит цифру в 3995 человек, расширив подсчеты до марта 1925 г. и добавив к ним число вернувшихся, списки по которым составлялись на таможенных постах при учёте ввозимого товара [8:192].

По итогам Съезда была принята резолюция об обращении для продления амнистии, но уже в персональном порядке. ВЦИК РСФСР 16 марта 1925 г. предоставил право ЦИК АКССР персонально амнистировать карбеженцев сроком до 1 января 1926 г. [8:193]

Обращаясь за продлением амнистии ЦИК АКССР преследовал несколько довольно прагматических целей: власти края, возвращая беженцев в Карелию, видели свою миссию в «сведении на нет карельского вопроса» и «ликвидации новой угрозы со стороны Финляндии». Кроме того, беженцы, которые возвращались обратно со скотом и инвентарем, «способствовали восстановлению сельского хозяйства в Карелии, особенно в северных её районах» [3: 50—50 об.].

Введение персональной амнистии было попыткой также решить вопрос с имуществом репатриантов, оставшимся в Карелии, который уже на протяжении длительного времени будоражил сельские общества. Особенно тяжелая ситуация из-за климатических условий складывалась на севере края.

Нуортева А. Ф.

Источник: <http://rkna.ru/exhibitions/nyorteva/index.html#close>

КарЦИК пришлось издать временную инструкцию, согласно которой была разрешена сдача в аренду пустующих земель, числившихся за карбеженцами, находившимися в Финляндии, сроком на год. Но принятая мера не решила проблему, поскольку получаемая продукция не покрывала затрат, вложенных в обработку арендованной земли [3:42; 7:191].

При этом имущественный вопрос вызывал беспокойство не только среди тех, кто проживал в Карелии. Председатель КарЦИК Александр Федорович Нуортева после поездки летом 1925 г. в Олангскую волость Ухтинского уезда отмечал, что среди карбеженцев существует тенденция, при которой лишь часть семьи возвращается в Карелию с целью сохранения оставшегося имущества» [4: 1—10б.].

Пытаясь решить вопрос, КарЦИК несколько раз представлял проект инструкции об отчуждении имущества беженцев, и оба раза проект блокировался НКВД

[8:191] из-за опасения, что «принятая мера поставит под сомнение вопрос о целесообразности проведения дальнейшего возвращения беженцев в АКССР, так как едва [ли] кто-то пожелает воспользоваться персональной амнистией, если ему будет известно, что он лишён имущества и земли» [3:56].

Возвращение беженцев на территорию Карелии продолжалось вплоть до 1927 г., когда в Москве отказались от очередного срока продления амнистии, предложив желающим возвращаться на общих основаниях, что было связано с изменением внешнеполитического курса СССР: пребывание карелов в Финляндии стало выгодным. Как отметил Ю. М. Килин, опираясь на письмо члена коллегии НКВД Бориса Спиридоновича Стомонякова: начавшаяся в Финляндии безработица должна была способствовать отходу беженцев от активистов [7:100]. На наш взгляд такой вывод не бесспорен, однако приходится констатировать, что созданная Комиссия по амнистированию карбеженцев была ликвидирована [2:31], а причины, побудившие власти прекратить амнистию нуждаются в детальном изучении и анализе.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Неопубликованные

Законодательные и нормативные акты

Национальный архив Республики Карелия, фонд Р-698 — Президиум Верховного Совета РК (1921—1994) (Опись 1)

1. Постановление ВЦИК и инструкция о проведении в жизнь постановления об амнистии карельских беженцев. Переписка об амнистии. Списки лиц, не подлежащих амнистии // Д. 1/6. Л. 1—340.
2. Выписки из протоколов и заседаний КарЦИКа // Д. 29/300. Л. 1—33.
3. Постановление, выписки, протоколы о регистрации и переезде из Финляндии карельских беженцев со сроком до 01.01.1926, сохранении имущества и определении в Карелии // Д. 12/123. Л. 1—85.
4. Списки имущества, оставленного карбеженцами в Финляндии // Д. 14 /141. Л. 1—93.
5. Материалы VI Всекарельского съезда Советов // Д. 18 /187. Л. 1—181.

Опубликованные

Периодическая печать

6. Интервью тов. Гюллинга // Карельская коммуна. — 1923. — 20 июня. — С. 1.

II. Литература

7. *Килин Ю. М.* Карельское восстание 1921—1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. : Специфика границы. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 88—102.
8. *Репухова О. Ю.* Возвращение карельских беженцев // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности : материалы VI междунар. науч. конф., посв. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Петрозаводск, 1—3 июня 2015 г.). — Петрозаводск, 2016. — С. 186—195.
9. *Филимончик С. Н.* Демографическая характеристика городского населения Карелии в начале индустриализации (по материалам Петрозаводска) / С. Н. Филимончик // Компьютер и историческая демография : сб. науч. ст. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2000. — С. 69—94.

Polina Voronina

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK),
researcher-volunteer,
Master in History (46.04.10),
Postgraduate Student of «Past, Space and Environment in Society Doctoral Programme»,
General History Major, University of Eastern Finland (Joensuu)

Amnesty for Karelian Refugees 1923

Abstract: The article is devoted to the amnesty of the Karelian refugees, announced on May 1, 1923. The author, analysing the documents of the authorities, periodical press, correspondence, restores the course of amnesty, traces the peculiarities associated with the organization of the transfer and reception of refugees. In the article, the attempt was made to reveal the attitude of authorities to returning citizens, to evaluate specific practices applied to them by law enforcement agencies.

Key words: Karelian refugees; East Karelian uprising; Karelian insurgence; Karelian labour commune; the 20th century.